КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію безъ пересылки **три руб. сер.**, съ пересылкою **3 р. 60 к. сер.**

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ **1 и 16 чиселъ.**

1-го февраля № 3. 1874 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Въ постоянной заботливости о благѣ Нашей Имперіи и дарованіи ей лучшихъ учрежденій Мы не могли не обратить вниманія на существовавшій до сего времени порядокъ отправленія воинской повинности. По дѣйствовавшимъ донынѣ узаконеніямъ, повинность эта возлагалась лишь на сословія мѣщанъ и крестьянъ, и значительная часть русскихъ подданныхъ изъята была отъ обязанности, которая должна быть для всѣхъ одинаково священна. Такой порядокъ, сложившійся при иныхъ обстоятельствахъ, не согласуясь съ измѣнившимися условіями государственнаго быта, не удов-

летворяетъ и настоящимъ военнымъ требованіямъ. Новѣйшія событія доказали, что сила государствъ не въ одной численности войска, но преимущественно въ нравственныхъ и умственныхъ его качествахъ, достигающихъ высшаго развитія лишь тогда, когда дѣло защиты отечества становится общимъ дѣломъ народа, когда всѣ, безъ различія званій и состояній, соединяются на это святое дѣло.

Признавъ необходимымъ преобразовать устройство военныхъ силъ Имперіи на основаніи указаній современнаго опыта, Мы въ 1870 году повелѣли военному министру приступить къ составленію предположеній о болѣе совершенномъ способѣ пополненія Нашихъ войскъ, съ привлеченіемъ къ воинской повинности всѣхъ вообще сословій.

Испытанная готовность Нашихъ подданныхъ приносить себя въ жертву родинѣ служила намъ ручательствомъ, что призывъ Нашъ встрѣтитъ въ русскихъ сердцахъ сочувственный отголосокъ. Мы въ томъ не ошиблись. Наше доблестное дворянство и другія неподлежавшія рекрутству сословія въ многократныхъ заявленіяхъ выразили Намъ радостное желаніе раздѣлить съ остальнымъ народомъ тягости обязательной военной службы.

Мы приняли эти заявленія съ отраднымъ чувствомъ гордости и благоговѣйною признательностью къ Провидѣнію, вручившему Намъ скипетръ надъ народомъ, въ которомъ любовь къ Отечеству и самоотверженіе составляютъ завѣтное, изъ рода въ родъ переходящее достояніе всѣхъ сословій.

Для предначертанія, на указанныхъ главныхъ началахъ, новаго устава о воинской повинности, была затѣмъ образована особая комиссія изъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ и другихъ лицъ, обладающихъ надлежащими по этой части свѣдѣніями. Составленный комиссіею, и послѣ подробнаго

обсужденія исправленный Государственнымъ Совѣтомъ Уставъ вполнѣ соотвѣтствуетъ Нашимъ видамъ. Исходя отъ основнаго положенія, что защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго, Уставъ сей привлекаетъ къ участію въ отправленіи воинской повинности все мужское населеніе, безъ допущенія денежнаго выкупа или замѣны охотниками. Дѣйствіе новаго закона не должно распространяться лишь на казачье населеніе, несущее военную службу въ установленномъ для него порядкѣ, а также на нѣкоторыхъ инородцевъ, на Закавказскій Край и другія поименованныя въ указѣ Нашемъ Правительствующему Сенату отдаленныя мѣстности, для которыхъ будутъ изданы особыя положенія. За сими исключеніями и нѣкоторыми въ тотъ же указѣ означенными временными льготами, мужское населеніе Имперіи и Царства польскаго, по достиженіи 20 лѣтъ, будетъ подлежать жеребью, которымъ опредѣляется одинъ разъ, навсегда, кто обязанъ идти на дѣйствительную службу и кто остается отъ нея свободнымъ. Для поступившихъ въ сухопутныя войска хотя полагается общій 15-ти лѣтній срокъ службы, но по истеченіи шести лѣтъ, а въ случаѣ возможности и ранѣе того, они будутъ распускаемы по домамъ, съ обязанностью являться подъ знамена, по призывамъ Правительства, лишь въ случаяхъ чрезвычайной военной надобности. Поступающимъ во флотъ и въ войска, въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ расположенныя, назначаются особые сроки службы. Для молодыхъ людей, обучавшихся въ училищахъ, не исключая и начальныхъ, продолжительность обязательнаго пребыванія въ войскахъ въ мирное время значительно сокращается соотвѣтственно степени и роду полученнаго ими образованія, и сверхъ того предоставляются имъ другія важныя облегченія.

Утвердивъ составленный согласно съ сими основаніями Уставъ о воинской повинности и призывая подданныхъ Нашихъ, именемъ дорогой всѣмъ намъ отчизны, къ ревностному исполненію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, Мы не имѣемъ намѣренія отступить отъ началъ, которымъ неуклонно слѣдовали во все Наше Царствованіе. Мы не ищемъ, какъ не искали до сихъ поръ, блеска военной славы и лучшимъ жребіемъ, ниспосланнымъ Намъ отъ Бога, почитаемъ вести Россію къ величію путемъ мирнаго преуспѣянія и всесторонняго внутренняго развитія. Устройство могущественной военной силы не остановитъ и не замедлитъ этого развитія; оно, напротивъ, обезпечитъ правильный и непрерывный ходъ онаго, ограждая безопасность Государства и предупреждая всякое посягательство на его спокойствіе. Даруемые же нынѣ важныя преимущества молодымъ людямъ, получившимъ образованіе, да будутъ новымъ орудіемъ къ распространенію въ народѣ Нашемъ истиннаго просвѣщенія, въ которомъ Мы видимъ основаніе и залогъ его будущаго благоденствія.

Данъ въ С.-Петербургѣ, января въ 1-й день, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ семьдесятъ четвертое, Царствованія же Нашего въ девятнадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Утвердивъ сего числа новый Уставъ о воинской повинности, *повелѣваемъ:*

I. Ввести сей Уставъ въ дѣйствіе во всей Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ, не распространяя лишь силы онаго;

1) На войсковое казачье населеніе, несущее воинскую повинность особо установленнымъ порядкомъ—и

2) На нижеозначенныя мѣстности и части населенія, для которыхъ порядокъ отбыванія упомянутой повинности будетъ опредѣленъ впослѣдствіи особыми положеніями, сообразно съ мѣстными особенностями, именно: а) на Закавказскій край, Туркестанскій Край, Приморскую и Амурскую области, Среднеколымскую, Верхоянскую и Вилюйскую округи Якутской области, Туруханское и Богучанское отдѣленія Енисейской губерніи и округи, Тогурское отдѣленіе Томской губерніи и округи и Березовскую и Сургутскую округи Тобольской губерніи, и б) на неотбывавшее доселѣ рекрутской повинности ни натурою, ни деньгами инородческое населеніе сѣвернаго Кавказа, Астраханской губерніи, Тургайской и Уральской областей и всѣхъ губерній и областей Западной и Восточной Сибири, равно какъ на самоѣдовъ, обитающихъ въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи.

II. Съ привлеченіемъ къ отправленію воинской повинности башкиръ и тептярей, освободить ихъ отъ уплаты особаго сбора по шестидесяти копѣекъ съ души, установленнаго съ нихъ Положеніемъ 14-го мая 1863 года.

III. Сохранить льготу отъ воинской повинности, съ наличными при водвореніи сыновьями: *а) пожизненно*: руснакамъ, прибывшимъ въ предѣлы Россіи въ 1854 г.; иностраннымъ выходцамъ, водворившимся на владѣльческихъ земляхъ и принявшимъ русское подданство на основаніи утвержденнаго Нами, 18 декабря 1861 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта; чехамъ, переселившимся въ Юго-Западный край, на которыхъ распространены права и преимущества, установленныя означеннымъ мнѣніемъ Государ-

ственнаго Совѣта; иностранцамъ, поселившимся до 1-го января 1872 г. въ Царствѣ Польскомъ съ принятіемъ русскаго подданства, и, наконецъ, русскимъ переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній, водвореннымъ на казенныхъ земляхъ близь крѣпости Новогеоргіевска; *б) въ теченіе 20-ти лѣтъ, со времени переселенія:* менонитамъ, поселившимся новыми колоніями по правиламъ 19 го ноября 1851 года въ Имперіи, а равно менонитамъ, водворившимся на владѣльческихъ земляхъ и принявшимъ русское подданство на основаніи утвержденнаго Нами, 18-го декабря 1861 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта; *в) въ теченіе двадцати лѣтъ, считая съ 31-го марта 1860 года:* мѣщанамъ города Владикавказа, приписаннымъ къ сему городу до изданія настоящаго указа, и жителямъ бывшихъ городовъ Анапы и Новороссійска, зачисленнымъ въ портовый городъ Темрюкъ, и *г) въ теченіе шести лѣтъ со дня настоящаго указа:* всѣмъ тѣмъ изъ обитающихъ въ Имперіи менонитовъ, которые не будутъ имѣть права на льготу по пункту б сей статьи.

IV. Изъ семействъ лицъ, умерщвленныхъ за вѣрность Престолу и закону вовремя послѣдняго мятежа въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ, освободить отъ воинской повинности трехъ членовъ каждой такой семьи, назначая въ число освобождаемыхъ сперва сыновей умершаго, а потомъ родныхъ его внуковъ.

V. Освободить отъ воинской повинности лицъ, которые состоя по день изданія сего указа на службѣ при желѣзныхъ дорогахъ: Варшавско-Вѣнской, Варшавско-Бромбергской, Варшавско-Тираспольской и Лодзинской фабричной, пользовались правомъ на освобожденіе отъ рекрутской повинности на основаніи 15-й статьи приложенныхъ къ манифесту Нашему, 26-го

іюня (8 іюля) 1868 года, о рекрутскомъ наборѣ въ Царствѣ Польскомъ правилъ о сословіяхъ и лицахъ, рекрутской повинности неподлежащихъ.

VI. Въ первые пять наборовъ по введеніи Устава о воинской повинности разрѣшить отсрочивать на четыре года поступленіе на военную службу по вынутому жеребью лицъ, принадлежащихъ къ семействамъ, содержащимъ, по гильдейскому или промысловому свидѣтельству, торговыя,фабричныя или промышленныя заведенія, за исключеніемъ однако заведеній, производящихъ раздробительную пр дажу крѣпкихъ напитковъ(Уст). пит. ст. 301 по прод. 1869 г. и примѣч. къ ней), хотя-бы означенныя лица находились при отцѣ или дѣдѣ, способныхъ къ труду, и имѣли братьевъ, но моложе шестнадцати лѣтъ. Отсрочки сіи въ сроки службы какъ дѣйствительной, такъ и въ запасѣ не зачитать.

VII. Образованіе призывныхъ участковъ по правиламъ указаннымъ въ 67-й и слѣдующихъ статьяхъ Устава о воинской повинности, окончить повсемѣстно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня полученія въ губерніи сего указа.

VIII. Лицамъ, подлежащимъ призыву въ первый по новому Уставу о воинской повинности наборъ, т. е. тѣмъ, коимъ въ теченіе 1873 года минуло двадцать лѣтъ отъ роду, назначить для подачи заявленій о припискѣ къ призывнымъ участкамъ, по статьямъ 95 и 96-й означеннаго Устава полугодовой срокъ, считая оный со дня изданія сего указа.

IX. Подлежащими призыву на службу въ ополченіи, сверхъ лицъ, зачисляемыхъ въ оное на основаніи статей 10 и 154-й Устава о воинской повинности, считать до достиженія сорокалѣтняго возраста всѣхъ несостоящихъ на военной службѣ лицъ (за исключеніемъ означенныхъ въ

статьяхъ IV и V сего указа), которые къ 1-му января 1874 г. имѣютъ болѣе двадцати одного года отъ роду, а равно и тѣхъ находящихся нынѣ на военной службѣ, которые будутъ уволены отъ оной прежде достиженія ими сорока лѣтъ.

X. Объявленный манифестомъ Нашимъ 22 ноября 1873 года, рекрутскій наборъ съ 15 января по 15-е февраля 1874 г. произвести на основаніи правилъ, въ томъ манифестѣ изображенныхъ. Имѣющія же остаться на рекрутскихъ участкахъ, по исполненіи сего набора, рекрутскія долговыя доли и всѣ вообще рекрутскія недоимки со счетовъ сложить.

XI. Относительно зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій, могущихъ остаться въ обращеніи по исполненіи упомянутаго въ предшедшей статьѣ рекрутскаго набора 1874 года, соблюдать слѣдующія правила:

а) означенныя квитанціи имѣютъ быть представлены не позднѣе 1-го октября 1874 года, въ Уѣздныя Окружныя и Городскія по принадлежности, Присутствія по воинской повинности, которыя должны или обмѣнить ихъ на квитанціи новаго образца, или-же сдѣлать на нихъ надпись о представленіи квитанціи;

б) всякая представленная въ уѣздное, Окружное или Городское Присутствіе квитанція записывается на имя одного лица, по желанію ея владѣльца, и затѣмъ не можетъ быть передаваема или отчуждаема въ постороннія руки;

в) квитанціи имѣютъ быть принимаемы къ зачету, при призывѣ къ отбыванію военной повинности, только за лицо, на имя котораго квитанція записана, или-же за брата его, роднаго или своднаго, или-же единокровнаго или единоутробнаго, или двоюроднаго;

г) зачетныя квитанціи, непредставленныя для обмѣна къ опредѣленному выше сроку, теряютъ свою силу;

д) владѣющій квитанціею можетъ представить ее въ казну и получить *четыреста восемьдесятъ пять* рублей—и

е) порядокъ и сроки выкупа квитанцій имѣютъ быть опредѣлены Министромъ финансовъ по приведеніи въ извѣстность числа квитанцій, находящихся въ народномъ обращеніи.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

С.-Петербургъ,
1 января 1874 г.

О принятіи въ богадѣльни гражданскаго вѣдомства лицъ духовнаго званія не иначе какъ съ разрѣшенія епарх. Начальства.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, слушали сообщенный г. оберъ-прокурору, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вопросъ одного изъ начальниковъ губерніи: какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда лица духовнаго вѣдомства требуютъ непремѣннаго призрѣнія, а духовное вѣдомство отказывается отъ установленнаго за нихъ платежа при помѣщеніи ихъ въ заведенія Приказа общественнаго призрѣнія и оставляетъ ихъ при томъ безъ всякаго призрѣнія съ своей стороны. И, по справкѣ, Приказали: предоставить г. исправляющему должность синодальнаго оберъ прокурора сообщить Министерству Внутреннихъ дѣлъ, что циркулярнымъ

указомъ святѣйшаго Синода отъ 30-го сентября 1869 года за № 39-мъ предписано епархіальнымъ начальствамъ уплату за содержаніе лицъ духовнаго званія въ богадѣльняхъ приказовъ общественнаго призрѣнія (нынѣ перешедшихъ въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій) производить изъ суммъ епархіальныхъ попечительствъ, если лица сіи принадлежатъ къ бѣлому духовенству: но какъ суммы епархіальныхъ попечительствъ по закону имѣютъ опредѣленное назначеніе, а именно для вспомоществованія лицамъ духовнаго званія и ихъ семействамъ въ случаяхъ крайней бѣдности, то посему, дабы, чрезъ излишніе расходы на сей предметъ, не истощить денежныхъ средствъ попечительствъ, необходимо, чтобы въ богадѣльни гражданскаго вѣдомства лица духовнаго званія были принимаемы не иначе какъ съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, а сіи послѣднія дѣлали таковыя разрѣшенія съ крайнею осмотрительностію, убѣдившись предварительно, что лица, ходатайствующія о помѣщеніи въ богадѣльню, дѣйствительно не имѣютъ никакихъ средствъ къ жизни, также не могутъ быть призрѣваемы у ближайшихъ родственниковъ, т. е. родителей или дѣтей таковыхъ лицъ, и наконецъ, что эти лица своею жизнію и службою вполнѣ заслуживаютъ оказанія вспомоществованія въ видѣ платы изъ суммъ попечительства за ихъ содержаніе въ богадѣльняхъ гражданскаго вѣдомства. О таковомъ отзывѣ святѣйшаго Синода, для свѣдѣнія и руководства, объявить по духовному вѣдомству печатными указами Октября 26 дня 1873 года.—Подлинный подписали: оберъ секретарь А. Крыжанинъ—секретарь Губневъ. Резолюція Его Высокопреосвященства на семъ указѣ 20-го ноября послѣдовала такая: Въ консисторію къ должному исполненію въ потребныхъ случаяхъ.

ЖУРНАЛЪ
Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Сунодѣ, № 73.

О составленныхъ В. Водовозовымъ книгъ для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ и книгъ для учителей (1871 года. С.-Петербургъ).

Изложивъ обстоятельно усмотрѣнные промахи и недостатки въ книгѣ г. Водовозова, Комитетъ считаетъ нужнымъ указать и тѣ ея достоинства, которыя безспорно разсматриваемому труду даютъ право на почетное мѣсто въ нашей педагогической литературѣ. Выше сказано уже было о богатствѣ и разнообразіи содержанія книги; въ этомъ отношеніи она удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ. Далѣе, идея расположенія учебнаго матеріала книги, при нѣкоторыхъ недостаткахъ выполненія, представляется оригинальною и вполнѣ педагогическою. Остается сказать о выборѣ остальныхъ 130-ти статей, характерѣ ихъ обработки и ихъ языкѣ. Статьи эти выбраны съ педагогическимъ тактомъ; составитель вообще избѣгалъ мало-содержательныхъ, отвлеченно-поучительныхъ разсказовъ, а равно и сообщенія отрывочныхъ свѣдѣній, излагаемыхъ, какъ это обыкновенно бываетъ, безсвязно, безцѣльно, сухо. Начиная вообще знакомить дѣтей съ окружающимъ міромъ, онъ постепенно расширяетъ дѣтскій кругозоръ, переходя къ связнымъ разказамъ о животныхъ, о растеніяхъ, о разнообразныхъ явленіяхъ природы и жизни. При этомъ, не ограничиваясь составленіемъ собственныхъ статей, вообще мастерски обработанныхъ, составитель даетъ прекрасный выборъ стихотвореній, вполнѣ доступныхъ дѣтскому возрасту, содержательныхъ и потому могущихъ служить къ развитію не только вкуса,

но и разумнаго нравственнаго чувства. Благодаря внутренней связи разсказовъ, предъ дѣтьми незамѣтно выясняется связь явленій природы; изучая, въ живыхъ и полныхъ интереса разсказахъ, трудъ человѣка, учащійся начинаетъ понимать достоинство и цѣль честнаго труда въ жизни; въ этомъ отношеніи авторъ, по его словамъ, преслѣдовалъ ту мысль, «чтобъ учащійся хотя въ общихъ чертахъ сознаlъ ту истину, что честный трудъ служитъ средствомъ не только ко всякому улучшенію въ жизни, но и къ соединенію людей въ духѣ прямой христіанской любви». Дѣти должны научиться искренно служить другъ другу и считать это за счастіе. Задаваясь этой цѣлью, авторъ нигдѣ не высказываетъ ее въ видѣ сентенціи, морали, требованія, но мысль эта сквозитъ въ его разсказахъ, проникаетъ и согрѣваетъ духомъ животворной любви тѣ факты и явленія жизни, которые могутъ послужить орудіемъ для развитія въ дѣтяхъ братскаго между ними чувства и любви къ труду. Въ этомъ случаѣ составитель книги обнаружилъ рѣдкій педагогическій тактъ. Далѣе, хотя нѣкоторые изъ разсказовъ онъ направляетъ противъ суевѣрій и предразсудковъ, но, не вступая въ тонъ проповѣдника и обличителя, онъ предоставляетъ учить самимъ фактамъ, вполнѣ справедливо заявляя, что «уничтоженіе суевѣрій болѣе достигается общимъ развитіемъ, чѣмъ отдѣльными объ нихъ толкованіями» (введ. стр. IV). Составитель не гоняется за тою узкою и грубою утилитарностью, которую въ наше время иные педагоги желали бы сдѣлать альфой и омегой начальнаго образованія; онъ не дастъ поученій, наставленій, рецептовъ; тѣмъ не менѣе книга его проникнута вся живой идеей практической пользы, тою силой, которая одна устроиваетъ и создаетъ нашу жизнь. Г. Водовозовъ не говоритъ

прямо: «береги лѣсъ»; но онъ такъ живо и картинно описываетъ всю пользу и важность лѣса въ хозяйствѣ, что даже ребенокъ самъ пойметъ, что лѣсъ нужно беречь. Такія статьи и такой пріемъ, не имѣя, повидимому, цѣли поучать, въ сущности наставляютъ гораздо больше и сильнѣе, чѣмъ тѣ статьи, которыя имѣютъ прямою цѣлью учить. Наставленія, даже самыя лучшія, были и будутъ *понятіями*, а живое изображеніе предмета, дѣйствуя прямо на чувство, возбуждаетъ самостоятельную мысль читателя, раждаетъ въ немъ *убѣжденіе*; понятіе отвлеченно, оно остается въ головѣ и не выходитъ за порогъ школы; а убѣжденіе живо, конкретно и прямо идетъ въ жизнь. При этомъ авторъ не дѣлаетъ приспособленія своей книги, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, къ той или другой сельской школѣ, къ школѣ того или другаго училищнаго округа, но онъ имѣлъ въ виду элементарное образованіе и *начальную школу вообще*, вслѣдствіе чего книга его примѣнима дѣйствительно ко всякой народной школѣ. Особенно выдающуюся и вполнѣ общеобразовательную черту книги г. Водовозова составляетъ неподдѣльная любовь къ природѣ, которая проникаетъ всю книгу и сообщаетъ ей привлекательный колоритъ.

II.

Но книга г. Водовозова пріобрѣтаетъ особенную важность для школы тѣмъ, что къ ней еще приспособлено прекрасное дидактическое руководство для учителей, съ подробнымъ изъясненіемъ, какъ пользоваться статьями для чтенія цѣлесообразно, вполнѣ педагогически. «Книга для учителей» сама по себѣ составляетъ капитальное пріобрѣ-

теніе для нашей педагогической литературы. По богатству содержанія, по мастерской обработкѣ, по обилію упражненій, наконецъ, по весьма удачной педагогической системѣ развитія даннаго матеріала, книга эта далеко превосходитъ всѣ опыты предшествовавшіе ей и гораздо выше стоитъ книги, напр., Корфа. Видно, что авторъ не только воспользовался тѣмъ богатымъ матеріаломъ, какой представляетъ для этой цѣли литература заграничная, но и самъ добросовѣстно работалъ надъ своею задачей. Въ составъ «книги для учителей» входятъ: а) объясненія на каждую изъ статей, касающіяся пріемовъ нагляднаго обученія, содержанія, языка и слога, б) упражненія въ правописаніи и элементарный курсъ русской грамматики; с) упражненія въ составленіи плана сочиненій и элементарныя объясненія главнѣйшихъ формъ его; д) упражненія въ черченіи, и наконецъ е) масса разнаго рода практическихъ указаній вообще, какъ вести дѣло обученія родному языку въ предѣлахъ элементарнаго курса, при чемъ авторъ ограничивается преимущественно этимологіей.

Предварительно обозрѣнія каждаго изъ этихъ упражненій, не лишнимъ представляется охарактеризовать вообще отношеніе автора въ его дидактическихъ совѣтахъ къ учителю.

Г. Водовозовъ далекъ отъ мысли видѣть въ учителѣ механическаго подражателя даннымъ образцамъ пріемовъ обученія въ книгѣ для учащихъ, какъ это дѣлаетъ, напр., б. Корфъ. Совершенно напротивъ, авторъ разбираемой книги прежде всего имѣетъ въ виду самодѣятельность учителя, и давая послѣднему массу матеріала и образцы его обработки, онъ только освѣщаетъ тотъ путь, по которому долженъ идти дѣльный наставникъ. «Нѣкоторые могутъ возразить, говоритъ авторъ, что мы даемъ слишкомъ мно-

го матеріала,—больше, чѣмъ сколько наша сельская школа, въ настоящемъ ея состояніи, можетъ сообщить. Но, вопервыхъ, многое не представляетъ такого неудобства, какъ малое; толковый преподаватель изъ многаго всегда съумѣетъ выбрать то, что въ данномъ случаѣ или болѣе необходимо, или что объяснить возможно. Во вторыхъ, мы имѣли въ виду не ту или другую школу въ частности, но народную школу вообще, и должны были такъ сдѣлать, чтобы хотя сколько-нибудь удовлетворить требованіямъ элементарнаго образованія. «Избытокъ не скудость, запасъ не накладъ,» говоритъ пословица, было бы изъ чего выбрать; а въ этомъ отношеніи книга г. Водовозова не стѣснитъ учителя.

Далѣе, говоря о необходимости, послѣ катихизаціи, приводить въ порядокъ содержаніе статей для чтенія и сообщая свои образцы для этой цѣли, авторъ говоритъ, что «въ этомъ случаѣ нельзя указывать точнаго (и обязательнаго) плана занятія: тутъ всё зависитъ не только отъ общаго развитія учащихся, но и отъ того или другаго круга усвоенныхъ ими представленій»..... Такимъ образомъ авторъ въ собственномъ смыслѣ руководитъ учителя, отнюдь не стѣсняя его мелочными предписаніями, не требуя отъ него рабскаго подчиненія данному образцу. Но особенно хорошо авторъ изъясняетъ требованія наглядности въ начальномъ обученіи, недостаткомъ чего вообще страдаютъ наши школы и въ частности приготовительные классы нашихъ духовныхъ училищъ. Въ дѣльномъ учителѣ г. Водовозовъ предполагаетъ особое расположеніе къ наглядности въ обученіи, «стремленіе—представить просто и наглядно то, что въ наукѣ кажется хитрымъ и мудренымъ». Мастерское и замѣчательно-живое изображеніе этого стремленія и

средствъ его достиженія, изложенное во введеніи къ книгѣ для учащихъ (стр. VII—IX), по справедливости заслуживаетъ особеннаго вниманія учителей. Вообще въ отношеніяхъ своихъ къ учителю г. Водовозовъ является вполнѣ опытнымъ руководителемъ, обладающимъ достаточнымъ педагогическимъ тактомъ.

Выше сказано было, что въ основѣ дидактической системы, принятой г. Водовозовымъ, лежитъ элементарный курсъ роднаго языка; согласно съ этимъ и обработка образцовъ располагается по главнымъ ступенямъ въ занятіяхъ языкомъ, именно: практическія упражненія при чтеніи статей идутъ въ такомъ порядкѣ:» 1) *чтеніе* и *объясненіе* статьи; 2) дѣленіе ея на *части*, съ указаніемъ *связи* ихъ между собою; 3) объясненія *словъ* и *выраженій* въ ихъ зависимости отъ содержанія статьи; 4) связное и правильное *изустное* и *письменное* изложеніе прочитаннаго; 5) составленіе собственнаго плана на темы о знакомыхъ предметахъ и 6) сочиненія по плану, составленному учащимися» (введ. X стр.). Противъ этого распредѣленія упражненій можно возразить, конечно, что оно слишкомъ велико, обширно для начальной школы; но если не мѣрить задачь школы объемомъ того, что дѣлается и что достигается въ нашихъ школахъ неблагоустроенныхъ, то начертанный планъ обученія родному языку окажется отнюдь не превышающимъ средствъ и начальной школы, по крайней мѣрѣ таково мнѣніе лучшихъ педагоговъ нѣмецкихъ, посвятившихъ труды свои обработкѣ «книги для чтенія» съ тою же цѣлію—обученію родному языку въ элементарной школѣ. [1]) Воззрѣнія г. Во-

[1]) Напр. Любена «въ его книгѣ для чтенія» и «въ руководствѣ» Grundsätze und Lehrgänge für den Sprach-und Leseunterricht 3-te verbesserte Aufl. Leipz 1868.

довозова на обработку образцовъ его книги для чтенія столь близки къ воззрѣніямъ современныхъ германскихъ педагоговъ, что его идеи можно комментировать выдержками изъ послѣднихъ. Вотъ напр., мнѣніе объ этомъ предметѣ Любена: «Исходнымъ пунктомъ и цѣлію обработки образца (eines Muster-stücks), говоритъ онъ, должно быть полное пониманіе его. При этомъ необходимо наблюдать, чтобы ребенокъ уразумѣлъ каждое встрѣчающееся въ статьѣ выраженіе, чтобы каждое понятіе было для него ясно, чтобы онъ въ состояніи былъ связать дѣйствіе и причину, основаніе и послѣдствія явленій, характеръ лицъ и состояніе, упражняясь въ логическомъ ходѣ мыслей и выводѣ общихъ понятій. Катихизація образцовъ должна совершаться по одному опредѣленному плану». Затѣмъ устныя упражненія идутъ также и письменно (schriftlich), но учитель долженъ строго ограничиваться тѣмъ, что даютъ образцы и отнюдь не вносить сюда что-либо постороннее.» *Соотвѣтственно* этимъ основаніямъ, Любенъ даетъ и планъ первыхъ упражненій, вполнѣ примѣнимый къ книгѣ г. Водовозова и отчасти раскрывающій и дополняющій его воззрѣнія; именно, при чтеніи статей дѣлаются: a) повторительное чтеніе образца; b) катихизація его содержанія; c) разъясненіе непонятныхъ выраженій; d) передача содержанія, при устномъ изложеніи, связанная съ упражненіемъ въ разсказѣ; e) изложеніе логическаго хода мыслей; f) характеристика лицъ и положеній; g) отысканіе основной мысли. Каждое изъ этихъ упражненій можно найти въ книгѣ г. Водовозова и притомъ въ мастеркой обработкѣ. «Книга для учителей,» какъ и «книга для чтенія,» какъ уже замѣчено, раздѣляется на *ряды* упражненій, которыя систематически концентрируются по ступенямъ постепеннаго ознакомленія съ родною рѣчью; «объясненія на содержаніе

статей» составляютъ первый отдѣлъ каждаго ряда. Для характеристики труда г. Водовозова необходимо прослѣдить ихъ во всей книгѣ и привести факты.

Слѣдуя выше высказаннымъ воззрѣніямъ, авторъ въ объясненіи статей при чтеніи прежде всего заботился, чтобы дѣти вѣрно поняли прочитанное. Для этой цѣли онъ даетъ рядъ вопросовъ изъ содержанія прочитанной статьи, сообщая иногда объясненіе и въ положительной формѣ. Вотъ, напр., какъ объясняется стихотвореніе «Нива»: «Это складная пѣсенка. Зачѣмъ здѣсь сказано: «Нива моя, нива?» Развѣ можно звать ниву, разговаривать съ нивой? Вѣдь нива не можетъ намъ отвѣтить.—Мы такъ заводимъ рѣчь и съ камнемъ, и съ лѣсомъ, и съ животнымъ, когда камень, лѣсъ, животное намъ чѣмъ-нибудь дороги. Вѣрно слыхали вы, какъ говорятъ съ ласкою: «ты коровушка моя, буреная!» «Ахъ вы, темные лѣсочки!» А чѣмъ же можетъ нравиться, чѣмъ дорога намъ нива?—отъ чего сказано: Нива золотая?»—спѣлыя колосья желтаго цвѣта и отливаютъ на солнцѣ будто золото.—Зачѣмъ сказано: «зрѣешь ты на солнцѣ?»—Какъ сказать иначе «наливая колосъ.» Какъ могутъ ходить на нивѣ волны?—Нива отъ вѣтра колышется (волнуется) будто волнами.—Что можно видѣть иногда надъ нивой? Гдѣ жаворонокъ вьетъ гнѣздо? Какая это градовая туча? Опасна она, или нѣтъ для нивы?—О какихъ людскихъ заботахъ не знаетъ нива?»—и пр. Катихизація заключается пересказомъ «Нивы» своими словами. Въ такомъ родѣ для каждой статьи авторъ даетъ поясненія. Въ дальнѣйшихъ катихизаціяхъ авторъ мало по малу пріучаетъ дѣтей раздѣлять содержаніе статьи на части и затѣмъ излагать его въ видѣ связнаго собственнаго разсказа, что служитъ переходомъ и къ письменной его передачѣ, которая

уже не можетъ затруднить дѣтей, вполнѣ сознательно и отчетливо усвоившихъ содержаніе данной статьи. Что касается языка объясненій, то онъ также простъ и доступенъ, какъ и языкъ статей книги для чтенія. Вообще, руководясь образцами объяснительнаго чтенія г. Водовозова, каждый дѣльный наставникъ русскаго языка можетъ прекрасно вести дѣло свое и съ успѣхомъ достигать цѣли. Письменныя упражненія г. Водовозовъ также организуетъ съ должною постепенностью, при чемъ работы на т му по плану, составленному учащимся, даются только въ концѣ курса.

Что касается темъ для послѣднихъ упражненій, предложенныхъ авторомъ для облегченія учителя (введ. стр. X—XIV), то выборъ ихъ нельзя не одобрить, за немногими развѣ исключеніями.

Такъ тема: Указать, какъ при разномъ устройствѣ зубовъ, животныя употребляютъ различную пищу, и ведутъ различный образъ жизни« едвали по силамъ ученику, тѣмъ болѣе, что книга для чтенія не даетъ для обработки ея достаточно матеріала. Тема: »Какія вещи можно добывать въ природѣ и гдѣ ихъ добываютъ« слишкомъ широка по содержанію и недостаточно опредѣленно выражена. Тоже слѣдуетъ сказать и о темѣ: »Опиши все, изъ чего состоитъ поверхность земли«. Вопросъ же: »Что нужно человѣку, чтобы быть здоровымъ«—прямо не по силамъ ребенку, на него и взрослый не всякій отвѣтитъ. Требовать, чтобы ученикъ разсказалъ, что, по его мнѣнію, всего красивѣе въ свѣтѣ«—едва-ли педагогично. Во первыхъ, кругозоръ ребенка не великъ, а вовторыхъ, и самое понятіе »красиваго« для него еще не выяснилось; и такъ ему остается или сказать что нибудь на-обумъ, или говорить фразы,—то и другое зло въ воспитаніи. Вообще, желательно избѣгать

всѣхъ темъ общаго характера, широкихъ по содержанію или неопредѣленныхъ по выраженію и потому вызывающихъ схоластику. Напр., на тему: »Чего можно добиться трудомъ?« Ученикъ можетъ отвѣтить: »Всего можно добиться трудомъ«—и будетъ правъ; отвѣтъ будетъ равенъ вопросу по своей неопредѣленности. Впрочемъ за исключеніемъ указанныхъ, остальныя темы не безъ пользы могутъ послужить для учителя.

Рядомъ съ изложенными упражненіями идутъ »упражненія грамматическія«. *10-ть рядовъ* этихъ упражненій, по мысли автора, представляютъ довольно полный и законченный элементарный курсъ русскаго языка, преимущественно этимологіи.

Въ послѣднихъ рядахъ упражненій грамматическія объясненія и правила сообщаются авторомъ въ связной послѣдовательности, монологически. Чтобы учитель не соблазнился этою формой и не вздумалъ ей слѣдовать въ преподаваніи, авторъ напоминаетъ преподавателю, что приведенныя правила слѣдуетъ излагать учащимся, но не такъ, какъ они въ этихъ рядахъ упражненій изложены, а »постепенно выводить изъ примѣровъ«. Этимъ совѣтомъ заключается книга г. Водовозова. Самъ авторъ вездѣ остался вѣренъ *практическому методу* преподаванія,—эта черта составляетъ лучшую сторону книги. При томъ способѣ обученія родному языку, какой разработанъ г. Водовозовымъ, никакое »долбленіе«, механическое »затверживаніе« правилъ, не возможно. Это также заслуга для школы нашей, гдѣ до сихъ поръ еще гнѣздятся старые схоластическіе пріемы. *Объясненія* автора живы, наглядны, просты, доступны для каждаго—условія весьма важныя для руководства въ начальномъ обученіи. Наконецъ, что касается научной вѣрности грамма-

тическихъ объясненій автора и правилъ, сообщаемыхъ имъ въ книгѣ для учителей, то въ этомъ отношеніи трудъ г. Водовозова слѣдуетъ признать безукоризненнымъ.

Не смотря однакоже на изложенныя выше достоинства »Книги для учителей« г. Водовозова, есть въ ней и недостатки, нѣкоторыя опущенія и пробѣлы, а также излишества. а) Первый недостатокъ этой части труда г. Водовозова, безъ сомнѣнія, тотъ, что нѣкоторыя изъ пояснительныхъ статей его представляются *не вполнѣ выдержанными*; въ нихъ замѣчается, хотя и не отдаленное, но все же отступленіе отъ темы даннаго разсказа; въ другихъ замѣтно многословіе, чрезмѣрное обиліе вопросовъ, иногда по существу дѣла почти излишнихъ; да едвали и нужно было наполнять катихизаціями всѣ ряды упражненій въ книгѣ, достаточно было бы и гораздо меньшаго числа образцовъ. Так. обр. нужно бы катихизацію 1-й ст. сократить; катихизацію ст. »Хата« урѣзать, опустивъ разсказъ о городскихъ домахъ, о паркетѣ (которыя иныя дѣти и во всю жизнь не увидятъ) и пр,; въ катихизаціи ст. »Дворъ« есть излишества въ перечисленіи животныхъ, птицъ и т. п. Вообще нѣкоторое сокращеніе поясненій и даже уменьшеніе числа катихизацій послужило бы несомнѣнно въ пользу достоинства книги г. Водовозова. б) Вовторыхъ, было бы весьма желательно и для учителей весьма полезно, рядомъ съ практическими примѣрами и образцами обработки статей для чтенія въ классѣ, дать хотя бы коротенькое общее изложеніе основаній и *плана* такой обработки, которымъ бы наставники могли руководиться и въ практикѣ. Конечно, быть можетъ, это и не входило въ задачу автора, но нельзя не признать это опущеніе пробѣломъ, который, въ интересахъ дѣла, желательно было бы пополнить. Образцы такихъ плановъ можно встрѣтить у

Дистервега, Кера, Накке, Любена, и вообще у всѣхъ лучшихъ авторовъ, занимавшихся обработкой »книгъ для чтенія«. Фактъ этотъ говоритъ и самъ по себѣ въ пользу практичности предлагаемаго пополненія почтеннаго труда г. Водовозова. Не нужно забывать, что многіе учители, по недостатку развитія и самостоятельности, даже вопреки намѣренію автора, рабски могутъ слѣдить за образцами книги для учителей, не задавая себѣ задачи подумать объ основаніяхъ своего труда; а если бы были приложены общія соображенія, въ силу которыхъ признается наилучшею та или другая форма объясненій читаемыхъ въ классѣ статей, то многіе могли бы идти и самостоятельно въ этомъ направленіи.

в) Другое опущеніе въ этой части книги для учителей представляется не менѣе важнымъ и желательнымъ для пополненія. Именно, опущеніе изложенія *правилъ логическаго чтенія*, со смысломъ, выразительнаго. Конечно, авторъ можетъ сказать, что онъ предоставляетъ это чтеніе »азбукѣ« или »первой книжкѣ«, но это будетъ едвали справедливо. Въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, что »книга для чтенія« прежде всего должна послужить развитію *искуства читать*. А пріобрѣтеніе этого искуства не такъ легко, какъ кажется, и вовсе нельзя думать, чтобы можно было усвоить его, изучая азбуку. Читать легко и бѣгло не значитъ еще читать *хорошо*; даже и толковое чтеніе не всегда удовлетворяетъ требованіямъ чтенія хорошаго. А между тѣмъ на эту сторону давно бы слѣдовало обратить особенное вниманіе.

Всѣмъ, кто только слѣдилъ и слѣдитъ у насъ за дѣломъ обученія, извѣстно, какъ мало у насъ *хорошихъ чтецовъ*, какъ плохо идетъ и поставлено это искуство въ на-

шихъ школахъ. Искуство логическаго и эвфоническаго чтенія нашимъ учителямъ почти не извѣстно.

Тѣмъ важнѣе дать имъ въ этомъ отношеніи обстоятельныя руководящія указанія. Г. Водовозовъ коснулся этого предмета только слегка, мимоходомъ. Такъ въ первомъ ряду упражненій онъ требуетъ, чтобъ учащіеся «совершенно ясно произносили каждое слово и въ словѣ каждую букву», далѣе, чтобы дѣти при чтеніи останавливались на знакахъ препинанія (стр. 15), но этимъ и ограничиваются всѣ его совѣты, а это очень мало. Чтеніе отчетливое и бойкое принадлежитъ еще механизму искуства читать. Чтеніе *логическое* и *эвфоническое* требуетъ особеннаго руководства. При послѣднемъ чтеніи нужно обращать вниманіе на силу и высоту тона, на временныя остановки, на соотвѣтствіе звуковаго выраженія характеру и силѣ содержанія и проч.

Не только унасъ, но и за границей (за исключеніемъ «Новаго свѣта», гдѣ декламація всегда составляла предметъ заботливаго преподаванія въ школѣ) долго логическое чтеніе оставалось въ пренебреженіи. «Учителя наши, пишетъ Дистервергъ, прежде совсѣмъ не были знакомы съ правилами чтенія. Чтеніе и обученіе чтенію состояло въ прочитываніи и повтореніи прочитанаго. Ученикъ подражалъ тому, что дѣлалъ учитель, или болѣе упражнявшійся другой ученикъ; сами же учителя или совсѣмъ не имѣли понятія объ основаніяхъ и правилахъ этого дѣла, или знали коечто, вовсякомъ случаѣ мало и недостаточно. Руководство для учителей въ употребленіи книги для школьнаго чтенія можетъ оказать пособіе учителямъ народныхъ школъ; пользуясь руководтвомъ, учителя съ яснымъ сознаніемъ будутъ выполнять то, что прежде дѣлали на удачу». «Было время, говоритъ онъ далѣе, когда послѣ обученія механическому

чтенію, что стоило тяжелыхъ трудовъ и для учениковъ, и для учителя,—дальнѣйшее чтеніе считалось забавой, часы чтенія—часами отдыха, а напряженіе силы при этомъ сводилось къ нулю. Ученики читали по одиночкѣ и по скамьямъ, учитель ходилъ взадъ и впередъ, дѣлая замѣчанія относительно запятой или точки, или просматривая ученическія работы, а иногда занимаясь даже тѣмъ, что не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ чтенію». Въ германіи это »было », хотя и не давно, а унасъ и теперь такъ дѣло *ведется*, и долго еще будетъ идти постаринѣ, пока не будетъ сообщено учителямъ о томъ, какъ важно и какія задачи имѣетъ чтеніе логическое и эвфоническое, особенно же какимъ путемъ, какими пріемами учить ему учениковъ. Въ Германіи, какъ скоро замѣченъ былъ этотъ пробѣлъ, явилась цѣлая масса пособій въ этомъ направленіи, у насъ же пока ничего въ этомъ родѣ еще нѣтъ и пополнить этотъ пробѣлъ, безъ сомнѣнія, лежитъ прежде всего на обязанности составителей дидактическихъ руководствъ для учащихъ родному языку въ школѣ [1]). Г. Водовозовъ оказалъ бы нашей школѣ весьма важную услугу, пополнивъ свою прекрасную «Книгу для учителей» обстоятельнымъ изложеніемъ правилъ логическаго и эвфоническаго чтенія и способовъ, какъ ему обучать.

---

[1]) Въ матеріалѣ для обработки правилъ и пріемовъ обученія логическому и эвфоническому чтенію не будетъ недостатка. Задача эта прекрасно и очень обстоятельно обработана у Дистервега въ его Wegweiser'ѣ, гдѣ помѣщенъ и довольно подробный перечень работъ нѣмецкихъ педагоговъ въ этой области. Дистервегъ рекомендуетъ, между прочимъ, особенно трудъ Браубаха: Neues ABC als erstes Lese-Lehr-und Lehrnbuch für Schule und Haus— Giessen.

г) Наконецъ, должно замѣтить, что грамматическій курсъ, предлагаемый г. Водовозовымъ, слишкомъ *обширенъ*, а отчасти и слишкомъ *подробенъ* для начальной школы. Конечно, «запасъ не накладъ», но во всемъ должна быть мѣра, свои границы. Объемъ элементарнаго курса долженъ сообразоваться съ тѣми условіями, которыя даны школѣ, иначе, взявшись за многое, мы рискуемъ не достигнуть и малаго. Замѣчаніе это относится, впрочемъ, только къ послѣднимъ рядамъ упражненій, тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ учителямъ имѣть его въ виду. Такимъ образомъ въ VII-мъ ряду упражненій можно бы сократить свѣдѣнія о стихосложеніи, ограничившись чисто-эмпирическимъ ознакомленіемъ съ мѣрною рѣчью посредствомъ заучиванія стиховъ, безъ различія стопъ и ихъ дѣленій; равнымъ образомъ изъясненіе дѣйствія воображенія могло бы быть выпущено, такъ какъ едвали дѣти правильно и поймутъ роль воображенія въ поэзіи; объясненіе метафоры тоже можно бы опустить. Въ VIII-мъ ряду подробности о родахъ и видахъ «сочиненій» также съ удобствомъ можно бы выпустить,— это предметъ болѣе обширнаго курса среднихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ элементарной школы. Здѣсь довольно было бы ограничиться самыми общими свѣдѣніями о томъ, что такое сочиненіе и какъ оно пишется. Грамматическія объясненія въ этомъ ряду упражненій (изложеніе системы склоненій) также слишкомъ подробны, что, съ одной стороны, будетъ мѣшать отчетливости усвоенія склоненій на этой ступени, съ другой безъ нужды обременитъ учащихся. Тоже слѣдуетъ сказать и о двухъ послѣднихъ рядахъ упражненій. Въ нихъ много лишняго. Въ различеніи различныхъ родовъ сочиненій авторъ продолжаетъ знакомить дѣтей съ родами историческихъ сочиненій, съ разсужденіями, повѣстями, говоритъ о драмѣ, лирикѣ и эпосѣ; о научномъ наблюденіи

и пр. Все это можно съ удобствомъ опустить; грамматическія же объясненія послѣднихъ рядовъ представляюся весьма сложными для дѣтей; при этомъ авторъ даже знакомитъ ихъ съ свойствами славянскаго языка и стариннаго русскаго, обращаясь къ сравненію новыхъ формъ нашего языка съ старыми. Все это очень хорошо, но для элементарнаго курса представляется излишнимъ. Конечно, если бы достало времени и силъ у учащихся усвоить вполнѣ весь курсъ роднаго языка по книгѣ г. Водовозова, это было бы прекрасно; но въ возможности этого позволительно сомнѣваться. Соображаясь съ временемъ, первые шесть рядовъ упражненій можно изучить и безъ выпусковъ, а остальные четыре—съ сокращеніями. Впрочемъ, и самъ авторъ непротивъ этого, такъ какъ онъ, предлагая обильный матеріалъ для учителя, отнюдь не стѣсняетъ его въ выборѣ и расположеніи грамматическихъ объясненій при обученіи; нужно только, чтобъ учитель не упускалъ изъ виду границъ и условій курса начальной школы.

д) Наконецъ, и въ этой части труда г. Водовозова замѣчаются нѣкоторые частные недосмотры и промахи. На стр. 8: «ружье, неводъ, силокъ *есть* (вм. суть) орудія для охоты»... На стр. 10: «*часто* можно видѣть, какъ высокая скала свѣтилась надъ водою, а внизу волны проточили въ ней цѣлую пещеру». Часто въ Финляндіи, напр., но въ иныхъ мѣстахъ очень рѣдко. На стр. 12: «Вѣтеръ въ морѣ дуетъ напросторѣ, его тамъ не задержатъ ни лѣсъ, ни дома, ни холмы». По смыслу рѣчи выходитъ, что на морѣ будто есть лѣсъ, дома и холмы, только они не въ силахъ *задержать* вѣтеръ. На стр. 15: «Вопросительный знакъ,—значитъ, спрашиваетъ; восклицательный,- значитъ, восклицаетъ. Это тождесловіе, а не *объясненіе*. Иногда встрѣчаются въ рѣчи слова и выраженія—*дескать* (стр. 16) *дохъ* (вм. дыханіе), *закиваютъ* (вм. закачаются де-

ревья (стр. 22), лошадь самый полезный *звѣрь* (вм. животное), и т. п., не вполнѣ отвѣчающія дѣлу. Выраженія «складная рѣчь» вм. стихи также едвали удачно. Складною рѣчью называется вообще рѣчь связная, толковая, а стихи лучше бы назвать «мѣрною рѣчью». На стр 40: «вода всегда лежитъ *прямо*,—нужно бы сказать *ровно*. На стр. 51:» трава (на покосѣ) ложится *шумными* рядами; лучше бы сказать «густыми». На стр. 53: «простой человѣкъ думаетъ, что всякая бѣда за грѣхи», но такъ думаетъ и не одинъ «простой человѣкъ». Это выраженіе лучше бы выпустить. Стр. 55: Встарину *одна* Москва была столицею.» Не *одна* Москва, а еще раньше Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ. Стр. 65: «березынька съ зеленой корой. У березы кора бѣлая,—вѣроятно *косой*. Стр. 66: «Фосфоръ отъ *малѣйшаго сотрясенія* загорается самъ собой»—сказано слишкомъ много. Фосфоръ, конечно, горючь, и можетъ воспламениться, просто лежа на воздухѣ, безъ всякаго сотрясенія; но отъ малѣйшаго сотрясенія» онъ положительно не загорится. На стр. 70, говоря о различіи кошки отъ собаки авторъ замѣчаетъ, что кошка и тѣмъ отличается, что у ней« въ глазахъ зрачки сжимаются и расширяются,»—но это общее свойство всѣхъ животныхъ; нужно бы обратить вниманіе на самое устройство зрачка у кошки. На стр. 72: «предметъ можно узнать, разобравъ хорошенко его признаки, то есть, качества и дѣйствія; все это понявъ, мы получаемъ понятіе о предметѣ» Это не такъ. На стр. 141: «желѣзо и мѣдь окисляются, *вбираютъ въ себя* (!) кислородъ изъ воздуха.» Это не научно сказано, невѣрно. Тамъ же: «Уголь есть во всѣхъ тѣлахъ, которыя горятъ; но его мы не видимъ, пока не зажжемъ тѣло: горѣніе и есть не что иное, какъ выдѣленіе угля изъ. тѣла присоединеніи его (угля или тѣла?) съ кислородомъ» И это невѣрно. Окисленіе, конечно, есть горѣніе; но тѣла могутъ окисляться (горѣть) и не имѣя угля,—напр., натрій въ чистомъ видѣ: да и желѣзо, освобожденное отъ угля, тоже будетъ горѣть (окисляться); и горѣніе вовсе не есть непремѣнно «выдѣленіе угля изъ тѣла, при соединеніи его съ кислородомъ.» Затѣмъ въ книгѣ встрѣчаются и корректорскія ошибки; но такъ какъ онѣ въ «Книгѣ для учителей» совсѣмъ не имѣютъ того значенія, какое имѣютъ въ

«книгѣ для ученія учащихся,» то перечисленіе ихъ представляется излишнимъ, да притомъ же ихъ и немного.

Итакъ, книги г. Водовозова, обладая несомнѣнно важными педагогическими достоинствами, въ тоже время не свободны и отъ нѣкоторыхъ промаховъ, недостатковъ. Тѣмъ не менѣе, сравнивая эти труды съ тѣмъ, что есть у насъ по этой части, нельзя не признать, что они значительно превосходятъ все, что до сихъ поръ появлялось въ этой отрасли нашей педагогической литературы Недостатки книгъ г. Водовозова легко исправимы и устранимы; а достоинства ихъ таковы, что введеніе сихъ книгъ въ наши школы весьма желательно; особенно незамѣнимымъ пособіемъ они могутъ быть для нашихъ приготовительныхъ классовъ.

На основаніи вышеизложеннаго, Учебный Комитетъ полагалъ бы: 1) «Книгу для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ»—В. Водовозова допустить къ употребленію въ духовныхъ училищахъ, въ воскресныхъ школахъ при духовныхъ семинаріяхъ и въ школахъ церковно-приходскихъ, въ качествѣ руководства приобученіи родному языку; 2) «Книгу для учителей»—того же автора рекомендовать учителямъ русскаго языка въ означенныхъ училищахъ и школахъ, особенно же учителямъ приготовительныхъ классовъ при училищахъ, какъ полезное дидактическое руководство при употребленіи поименованной «книги для первоначальнаго чтенія» и вообще при преподаваніи отечественнаго языка и 3) предложить составителю названныхъ книгъ—г. Водовозову, при второмъ изданіи оныхъ, сдѣлать въ нихъ потребныя исправленія, согласно сдѣланнымъ Комитетомъ замѣчаніямъ.

Отъ правленія кіево-софійскаго духовнаго училища.

Въ кіево-софійскомъ д. училищѣ имѣются учительскія вакансіи: 1-я по греческому языку, съ соединенными съ нимъ предметами, 2-я по латинскому языку—также и 3-я по географіи и ариѳметикѣ. Наставники, сверхъ положеннаго жалованья, могутъ пользоваться казенной квартирой. Желающіе занять которую либо вышеозначенную вакансію имѣютъ подать прошеніе въ правленіе означеннаго училища.
